

УДК 316.74

МАКСИМ ПАРАЩЕВИН,

кандидат социологических наук, старший научный сотрудник отдела социальной психологии Института социологии НАН Украины, Киев

Влияние религиозности на распространённость ценности традиционализма

Аннотация

Статья посвящена выявлению связи между религиозностью населения Украины и ориентациями на ценность традиции. Религия может выступать как фактором сохранения традиции, так и фактором реализации новаций, но исторически первая составляющая преобладала. В современных условиях в религии также усматривают скорее хранилище традиций. Однако известно, что современная религиозность является преимущественно индивидуалистической и модернистской. Поэтому встает вопрос, насколько традиционалистский потенциал религии отражается в реальных ценностных ориентациях населения нашей страны. Этот вопрос имеет значение для выяснения, с одной стороны, угроз для социально-политической и социально-экономической модернизации Украины, а с другой — роли религии в современном обществе. Для определения связи религиозности с ориентацией на традицию использовались данные международного сравнительного проекта “Европейское социальное исследование” и данные мониторинговых опросов Института социологии НАН Украины. Продемонстрировано, что уровень ориентации на традицию действительно чуть выше среди религиозных людей; при этом оказываются значимыми и сам факт религиозной веры, и мера религиозности (низкая/высокая). В то же время эти отличия не столь велики, чтобы ожидать, что именно религия будет тормозить процессы социальных изменений. При этом направление связи между религией и ориентациями на традицию не очевидно, и врожденный традиционализм сам может влиять на больший уровень религиозности людей.

Ключевые слова: традиция, традиционализм, религия, религиозность, ценности, Украина

Противостояние между ориентациями на традицию и новацию является одним из вечных противостояний в человеческой истории. Домодерные

общества принципиально ориентировались именно на традицию — в прошлом якобы существовали идеальные образцы построения общины, и любые изменения имели шанс на успех преимущественно в случае их представления в качестве возврата к утраченной традиции. Модерн с постепенным ускорением сориентировался на новое, тогда как о традиции все чаще говорили с добавлением прилагательного “отжившая”. Конец XX — начало XXI века стали периодом кризиса идеологии и практики модерна, в частности безоглядной ориентации на новизну, на движение вперед. Все чаще звучат призывы к сохранению и возвращению к традиционным формам общественного общежития, к проверенным веками нормам (напр.: [Генон, 2008; Фрумкин, 2002]). Сформировалось целое социально-философское направление, получившее название “традиционализм”. Но традиционализм является не только определенной философией, но и определенным мировоззрением, образом мыслей обычных людей и реальной основой индивидуальных и коллективных действий. Этот традиционализм можно считать “пережитком”, оставшимся со времен господства традиционного общества, или естественной реакцией общества на состояние неопределенности, неуверенности, привнесенное модерном и особенно постмодерном и глобализацией. Независимо от порождающих его причин он существует и в определенной мере влияет на характер процессов в том или ином обществе. Но традиционализм населения может вступать в противоречие с требованиями времени. Ведь перед развивающимися странами с очевидностью встает проблема если не социокультурной, то социально-экономической модернизации (если, конечно, вторая вообще возможна без первой). А такая модернизация требует готовности к изменениям, к инновациям и, соответственно, определенному отказу от сформированных традиций или по крайней мере к определенной их модификации. Отсюда следует необходимость всестороннего анализа факторов, определяющих баланс между ценностями традиции и новации.

Констатацию наличия среди характерных особенностей населения Украины традиционализма нередко можно встретить в научной литературе. В 2006 году Е.Злобина и В.Тихонович отмечали “сочетание преданности традиции с невысокой заинтересованностью в новациях как характерную черту психологического портрета украинца” [Злобина, Тихонович, 2006: с. 92]. В.Магун и М.Руднев анализировали место ориентаций на ценность традиции в украинском обществе по сравнению с другими европейскими странами [Магун, Руднев, 2007]. О.Сакало, анализируя на базе опроса 2011 года, осуществленного в рамках международного сравнительного проекта World Values Survey, соотношение различных ценностей среди нашего населения, приходит к выводу о том, что “для украинского общества в целом характерен определенный ценностный симбиоз. Людям более свойственны ценности выживания и секулярно-рациональные ценности, хотя наряду с этим заметно распространены и традиционные ценности” [Сакало, 2016: с. 101]. А.Ручка и М.Наумова на основе типологии ценностной идентификации Г.Клагеса разработали инструментарий для измерения ценностных идентификаций населения Украины, который был апробирован в ходе мониторингового исследования Института социологии НАН Украины в 2013 году. По этой методике респондентов делили на традиционалистов (исповедующих ценностный консерватизм, проверенные традиционные ценности), “разочарованных” (утративших веру в традиционные ценности, но не отрицающих ценностей нового общественного порядка), активных реалистов

(тех, кто мотивируется как традиционалистскими, так и новыми жизненными ценностями), гедонистов-материалистов (исповедующих гедонизм и ориентирующихся на возможности общества потребления) и нонконформистов-идеалистов (критически относящихся к современной жизни, возлагающих надежды на будущее и пытающихся его приблизить). В итоге оказалось, что для нашего населения «наиболее близки традиционалисты, затем идут активные реалисты и нонконформисты-идеалисты» [Ручка, Наумова, 2013: с. 293]. Близость для себя именно традиционализма отметили 57% опрошенных, и доля их превысила доли соответствующих выборов всех других ценностных типов. Также А.Ручка отметил «ревитализацию (оживление), определенных традиционных ценностей (исторических, религиозных, народных), которые действительно необходимы социуму во времена бурных изменений и чрезвычайных событий» [Ручка, 2014: с. 122].

Однако такого рода анализы больше сосредоточены на фиксации самого факта существования (или преобладания традиционализма) без всестороннего анализа факторов, способных влиять на его сохранение или уменьшение. Можно ожидать (и этого нередко ожидают), что одним из таких факторов будет религия. Точнее, религия теоретически должна быть таким фактором и оставалась им во времена ее господства в массовом сознании. Как констатирует российский религиовед И.Яблоков: «Религия ... конституирует общество как целое: подготавливает индивида к социальной жизни, тренирует послушание ..., укрепляет социальное единство ..., поддерживает традиции, верования, ценности ...» [Яблоков, 2004: с. 151].

И это вполне естественно, поскольку большинство религий принципиально ориентированы на традицию, старину. Для мировых религий такая ориентация закономерна по двум причинам. Во-первых, они связаны с «вечными», не привязанными к «текущему моменту» ценностями, чьим источником является воля «высших сил», представляемая в форме догматов (которые должны приниматься как должное и не могут подвергаться сомнению). Такая позиция должна поддерживать ориентацию на то, что уже испытано, проверено, и для религиозных людей ориентация на традиции по определению — вещь более органичная, чем ориентация на постоянные изменения, продуцируемые человеком. Сегодня католическая и православная церкви как в своих социальных доктринах, так и в реальной политике во многом отошли от такого, как раньше говорили, «реакционного» подхода, но это явилось не столько следствием действительного признания, сколько проявлением приспособления к состоянию, которому церкви не могут противостоять (то есть преобладание индивидуализма и либерализма, распространение бездуховности и потребительства, ослабление религиозности и т.п.). Во-вторых, модерн и постмодерн оставляют для самих религий (и для организаций, которые эти религии представляют) весьма ограниченное место, стремясь к дальнейшему ограничению этого места. Поэтому для религиозных организаций отстаивание элементов традиционного общества, в котором они занимали важное, а то и ключевое место, является вопросом самосохранения.

Доминирующие в Европе католицизм и православие, разумеется, признают специфику своего статуса в обществе и стараются приспособиться к современным реалиям, но в то же время они критикуют те составляющие современности, которые представляют угрозу для нормального существования человеческих сообществ (безграничный эгоизм, моральный релятивизм, неограниченный консьюмеризм и т.п.). Одной из форм такой критики

является апелляция к традиции, к традиционным ценностям. Особенно заметно это в риторике Русской Православной церкви. Как отмечает С.Филатов: “В общественном сознании, в идеологической позиции политической элиты и идеологии РПЦ существенное значение имеет ориентация на противостояние глобализации, разрушение “традиционных ценностей”” [Филатов, 2009: с. 20–21]. Непосредственно в Основах социальной концепции Русской Православной церкви отмечается, что “для большей части христианского мира наряду с идеей личной свободы не менее важна категория вероучительной и моральной традиции, с которой человек должен согласовывать свою свободу. Для многих людей, живущих в разных странах мира, не столько секуляризованные стандарты прав человека, сколько вероучение и традиции имеют высший авторитет в общественной жизни и межличностных отношениях” [Основи соціальної концепції, s.a.]. В Основах учения Русской Православной церкви о достоинстве, свободе и правах человека также подчеркивается, что “действия, направленные на соблюдение прав человека, на совершенствование общественных и экономических отношений и институтов, не увенчаются настоящим успехом, если будут игнорироваться духовные и культурные традиции стран и народов” [Основи вчення, s.a.]. В коллективном обращении предстоятелей трех украинских традиционных церквей (УПЦ, УПЦ КП, УГКЦ) от 1 декабря 2011 года наряду с прочим содержится утверждение: “Здоровое же государственное сообщество сможем построить только на основе традиционных для нашего народа духовных оснований, утверждение которых укрепит и материальное благополучие — но отнюдь не наоборот!” [Звернення традиційних Українських Церков, s.a.].

Но насколько призывы религиозных организаций к сохранению традиционных ценностей действительны? Ведь в странах, которые прошли путь секуляризации (иногда, как в случае с Украиной, “жесткой” советской, а не “мягкой” западной), реальная роль религии остается под вопросом. Вопросом остается, сохраняет ли она свое влияние на сознание и повседневное поведение людей и общественно-политические процессы, а если сохраняет, то в какой степени. Поэтому проблему способности религии поддерживать традиции (соответственно, тормозя инновации) или, наоборот, поддерживать инновационное движение следует рассматривать с опорой на данные конкретных социологических исследований, в частности массовых опросов населения, в которых учитывается как сам факт религиозности, так и проявления традиционализма. Такого рода данные позволят (хотя бы частично) оценить, является ли фактор религии влиятельным для ориентации огромных масс населения (а не отдельных верующих) на ценности традиции. Подобный анализ важен по крайней мере с двух сторон. Во-первых, он помогает определить, является ли религия тем фактором, который нужно учитывать при формировании программ модернизации нашей страны¹. Во-вторых, наличие или отсутствие связи между религиозностью и традиционализмом может быть одним из индикаторов общего социального значения религии в нашем обществе, и мы получим дополнительное измерение для общей оценки современной роли религии.

---

¹ Ведь если религиозность действительно сопряжена с традиционализмом и консерватизмом, то это нужно как-то учитывать при формировании подобных программ.

Для такой оценки я воспользуюсь данными шестой “волны” опроса, проведенного в рамках реализации международного сравнительного проекта Европейское социальное исследование (ESS)¹. Может возникнуть вопрос, насколько эти данные актуальны, если учесть, что с момента их получения прошло уже более трех лет. По этому поводу отмечу, что ценностные ориентации суть феномены индивидуального и массового сознания, которые изменяются крайне медленно. Следует вспомнить, что и после 25 лет с момента распада СССР советские ценности продолжают оставаться значимым компонентом сознания как россиян, так и украинцев. Соответственно, не стоит сомневаться, что в этом случае данные трехлетней давности вполне пригодны для выяснения нынешней ситуации.

Одной из составляющих используемой в опросе ESS анкеты была модификация Портретного ценностного опросника (*Portrait Values Questionnaire*), предложенного израильским исследователем Ш.Шварцем, в котором наряду с другими содержатся индикаторы, измеряющие именно ориентации на ценность традиции. Используемый при этом блок вопросов содержит 21 описание людей, свое сходство / отличие с которыми должен определить респондент. Данные этих описаний рассматриваются как индикаторы базовых ценностей, которые могут разделять люди, и по методике Ш.Шварца объединяются в 10 групп (индексных показателей), понимаемых как латентные ценности (развернутое описание методики см., напр.: [Магун, Руднев, 2007]). Измерение позиций респондентов по каждому из этих индикаторов осуществляется по шестибальной порядковой шкале, где самый низкий балл означает полное сходство, а наивысший — абсолютное отличие. При проведении анализа можно использовать показатель среднего балла.

Использование полной методики предполагает сравнение между собой измеренных ценностей, и латентные ценностные индексы вычисляются особым образом, о котором речь пойдет ниже. Если же каждую из с этих латентных ценностей анализировать не в сопоставлении, а саму по себе, то достаточно использования показателя среднего балла для соответствующего набора индексных показателей (9 латентных ценностей вычисляются как среднее от двух базовых признаков, а одна ценность — как среднее от трех признаков). “Традиция” есть одной из латентных ценностных ориентаций, и соответствующий показатель рассчитывается как комбинация (через среднее арифметическое) результатов измерения по вопросам, сформулированным следующим образом:

1. *“Насколько похожим или не похожим на Вас является тот, для кого очень важно быть скромным и “держаться в тени”, кто старается не привлекать к себе внимания?”*
2. *“Насколько похожим или не похожим на Вас является тот, для кого важны традиции, кто старается придерживаться религиозных или семейных обычаев?”*

---

¹ В Украине исследование осуществлял Центр социальных и маркетинговых исследований СОЦИС (<http://old.socis.kiev.ua/ua/>); полевой этап продолжался с 11.07 по 09.08.2013 года; отбор респондентов осуществлялся на основе стратифицированной четырехступенчатой случайной выборки; количество опрошенных — 2178. В анализе данных использованы рассчитанные организаторами исследования весовые коэффициенты. Детальную информацию касательно данного опроса см.: [ESS6 — 2012. Documentation report. Edition 2.2].

Для удобства восприятия я в имеющемся массиве данных изменил направление шкалы, поэтому наименьший балл (1) означает абсолютное отличие, а наивысший (6) — полное сходство. Соответственно, средний балл может принимать значения от 1 до 6, где 1 означает отсутствие соответствующей ценностной ориентации, а 6 — максимальную ориентацию на нее; чем выше этот средний балл, тем более выраженной является измеряемая ценностная ориентация.

При анализе я буду исходить из предположения о том, что о значимости религиозности для поддержки тех или иных ценностных ориентаций можно говорить тогда, когда уровень ориентации на эти ценности будет отличаться у религиозных и нерелигиозных людей; причем данные отличия не должны объясняться каким-либо иным фактором (поскольку факт религиозности или ее отсутствия сам может зависеть от разнообразных социальных факторов).

Полученные в опросе 2013 года в Украине данные подтверждают некоторое влияние религиозности на традиционализм, поскольку сравнение индексного показателя ориентации на традицию у религиозных и нерелигиозных людей¹ демонстрирует его преобладание именно среди религиозных (табл. 1).

Таблица 1

Показатели индекса традиции у религиозных и нерелигиозных людей, 2013, средние баллы*

Религиозные (<i>n</i> = 1474)	4,31
Нерелигиозные (<i>n</i> = 615)	3,99

* Различия средних статистически значимы на уровне 0,001 (по процедуре *t-test*).

Однако зафиксированный выше факт сам по себе еще не дает оснований для утверждения о влиянии именно религии. Религиозность зависит от ряда социально-демографических показателей, которые, в свою очередь, могут быть значимыми и для уровня ориентации на традицию. В частности, во всех массовых опросах фиксируется, что религиозность выше среди женщин, среди старших возрастных групп и среди сельского населения. Вместе с тем, если по данным анализируемого опроса шестой “волны” ESS проследить связь этих социально-демографических показателей с ориентацией на традицию, мы увидим такое же направление связи. То есть ориентация на традицию выше среди женщин и тем больше, чем старше респондент; одновременно она возрастает по мере уменьшения размера населенного пункта, в котором проживают респонденты. Учитывая это, можно предположить, что в большей ориентации на традицию среди религиозных людей (по сравнению с нерелигиозными) просто отражается латентное влияние социально-демографических характеристик.

¹ Разделение респондентов на религиозных и нерелигиозных осуществлялось посредством самооценки респондентов, фиксировавшейся с помощью вопроса “Относите ли Вы себя к какой-либо религии или вероисповеданию?”; варианты ответов “да”, “нет”, “трудно ответить”. Соответственно, те, кто выбрал первый вариант ответа, отнесены к группе религиозных, а выбравшие второй вариант — к группе нерелигиозных; те, кто не смог ответить, не учитывались.

Для проверки такой гипотезы необходимо посмотреть, будут ли зафиксированные выше различия между религиозными и нерелигиозными людьми сохраняться, если их сравнивать в учетом половой, возрастной и поселенческой принадлежности респондентов. То есть убедиться во влиянии именно религиозности мы сможем лишь тогда, когда будут фиксироваться различия между религиозными и нерелигиозными мужчинами, религиозными и нерелигиозными женщинами, религиозными и нерелигиозными молодыми людьми, религиозными и нерелигиозными людьми старшего возраста и т.п.

Но после такого анализа указанную гипотезу влияния отличных от религии факторов приходится отбросить. В частности, что касается пола, то, как видно из таблицы 2, и среди мужчин, и среди женщин уровень традиционализма был выше именно среди религиозных (различия статистически значимы на уровне 0,01).

Таблица 2

Индекс “традиции” среди религиозных и нерелигиозных мужчин и женщин, 2013, средние баллы

Мужчины	Религиозные ($n = 596$)	4,26
	Нерелигиозные ($n = 341$)	3,92
Женщины	Религиозные ($n = 878$)	4,35
	Нерелигиозные ($n = 273$)	4,07

Практически то же самое мы увидим, если элиминировать влияние фактора принадлежности к определенной возрастной категории (табл. 3). Если рассматривать три возрастные группы (молодежь — до 30 лет, средний возраст — от 30 до 55 лет и старший возраст — более 55 лет), то показатели индекса традиции между религиозными и нерелигиозными в первых двух группах (среди молодежи и людей среднего возраста) будут иметь статистически значимые (на уровне 0,01) отличия (и только среди самых старших респондентов религиозность оказалась незначимым фактором).

Таблица 3

Показатели по индексу традиции у религиозных и нерелигиозных людей внутри возрастных групп, 2013, средние баллы

18–29 лет	Религиозные ($n = 293$)	4,11
	Нерелигиозные ($n = 161$)	3,67
30–55 лет	Религиозные ($n = 675$)	4,30
	Нерелигиозные ($n = 281$)	4,00
Старше 55 лет	Религиозные ($n = 463$)	4,47
	Нерелигиозные ($n = 145$)	4,33

Аналогичный результат получим, если проведем сравнение между религиозными и нерелигиозными респондентами внутри различных типов поселений (крупных городов, малых городов, сел). Здесь, как и в случае с половыми группами, имеются статистически значимые (на уровне 0,01) отличия между жителями всех основных типов населенных пунктов. Таким

образом, мы имеем все основания считать, что зафиксированная связь между фактом наличия религиозных убеждений и большей ориентацией на традицию отражает именно влияние религиозности.

Вместе с тем подчеркну, что отмеченные выше отличия анализируемого показателя в группах религиозных и нерелигиозных хоть и являются статистически значимы, но во всех случаях невелики. То есть религиозные респонденты *чуть более* склонны к ориентации на традицию; к тому же мы видим, что и среди нерелигиозных респондентов уровень ориентаций на традицию в целом выше среднего.

Однако отдельно отмечу, что более высокие показатели ориентации на традицию среди религиозных лиц фиксируются во всех странах, где проводился опрос “шестой” волны ESS (28 европейских стран и Израиль); это позволяет предположить, что влияние религии на распространенность традиционалистских ориентаций в определенной мере универсальна, по крайней мере для Европы и тех стран, которые ориентировались на европейский образец.

Выводы о значимости религии подтверждаются и в случае, если рассматривать связь ориентации на традицию не с самим фактом наличия или отсутствия религиозных убеждений, но и со степенью религиозности. В анализируемом опросе респондентам предлагалось по своему усмотрению определить меру своей религиозности¹. Что касается достоверности измерения уровня религиозности по такому индикатору, можно выражать сомнение, поскольку можно сомневаться в искренности и корректности такой самооценки. Но если посмотреть на меру связи между этой самооценкой и такими конкретными показателями, как частота посещения церкви и частота молитвенных практик не только во время религиозных служб², то связь между ними окажется достаточно сильной (коэффициенты корреляции Пирсона составляли соответственно 0,556 и 0,629). То есть ситуация, когда более высокие значения одного признака (самооценки уровня религиозности) соответствуют более высоким значениям второго (частота посещаемости церкви) и третьего (частота молитв) признаков, весьма типична, а это доказывает, что самооценка своей религиозности в значительной мере совпадает с реальным поведением, в котором эта религиозность проявляется. Поэтому мы вполне можем использовать эту самооценку для определения влияния степени религиозности на другие характеристики.

Для большей наглядности я уменьшил размах начальной одиннадцатibalльной шкалы меры религиозности до пятибалльной, объединив баллы 0–1 (обозначив эту группу как имеющую очень низкую степень религиозности), 2–3 (обозначив это как низкую степень), 4–6 (обозначив это как

---

1 В анкете вопрос формулировался так: “Независимо от того, относите ли Вы себя к определенному вероисповеданию, скажите, пожалуйста, насколько Вы религиозны?” Для измерения использовалась 11-балльная шкала, где 0 означает “совсем нерелигиозный”, а 10 — “очень религиозный”.

2 Два последних показателя были измерены по семибалльной шкале от 1 до 7, где 1 — “каждый день”, а 7 — “никогда”. Соответственно для оценки силы связи между этими показателями и самооценкой меры религиозности можно использовать коэффициент корреляции Пирсона (при расчете коэффициента для удобства восприятия шкалы были перекодированы таким образом, чтобы 1 оказалось наименьшим значением, а 7 — наибольшим).

среднюю степень), 7–8 (обозначив это как высокую степень), 9–10 (обозначив это как очень высокую степень). Соответствующие показатели индекса традиции в этих группах приведены на рисунке, и мы можем видеть, что по мере возрастания интенсивности религиозности показатель индекса традиции также возрастает. В то же время хорошо видно, что этот рост весьма невелик и, соответственно, далеко не все отличия тут статистически значимы. В частности, мы, по сути, имеем всего две расширенные группы со статистически значимыми отличиями: это, с одной стороны, группа с очень низким, низким и средним уровнями религиозности, а с другой — группа с высоким и очень высоким уровнями религиозности (внутри этих больших групп выделенные подгруппы значимо не отличаются)¹. То есть перед нами картина, похожая на ту, что наблюдалась в отношении связи ориентаций на традицию с фактом наличия религиозных убеждений: большая религиозность отражается в большей ориентации на традицию, но эти отличия не слишком заметны.

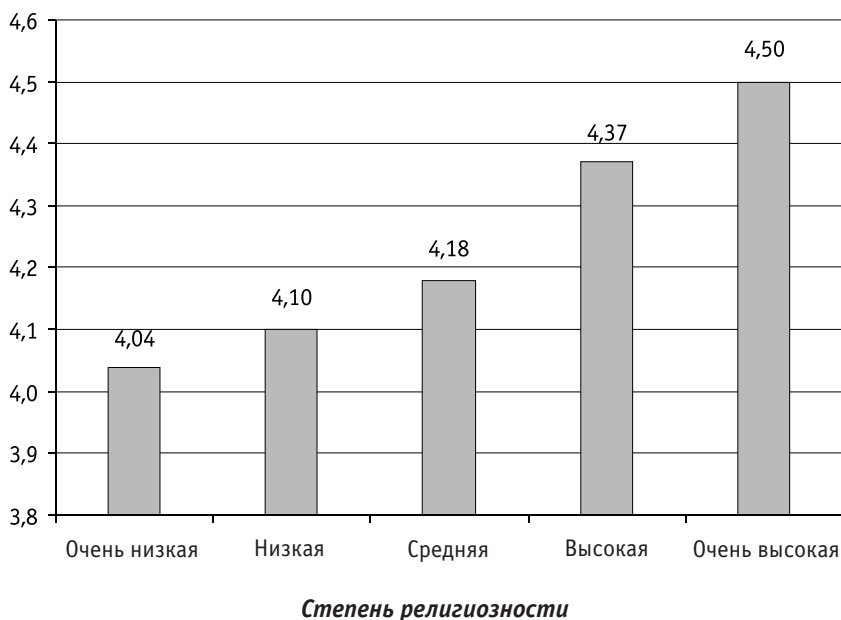

Рис. Связь уровня ориентации на традицию и степени религиозности (2013 год, средние баллы)

А вот между представителями основных конфессий статистически значимых отличий по степени ориентации на традицию не зафиксировано. В частности, среди прихожан Украинской Православной церкви Киевского патриархата (УПЦ КП) средний балл индекса традиции составлял 4,26, среди прихожан Украинской Православной церкви Московского патриархата (УПЦ МП) — 4,29, среди прихожан Украинской Гречко-Католической церкви (УГКЦ) — 4,44 (отличия средних не являются статистически значимыми).

¹ Статистическая значимость отличий оценивалась с применением процедуры ANOVA на основе критерия Dunnett T3.

Кроме непосредственного анализа самого индекса традиции мы можем посмотреть, существуют ли отличия между группами религиозных и нерелигиозных в плане места этой ценности в структуре других ценностей. Напомню, что методика Ш.Шварца предполагает выделение 10 латентных ценностей, которые определяются путем комбинирования непосредственно измеряемых в опросе ценностей, количество которых составляет 21. Комбинирование осуществляется путем расчета средних арифметических баллов из двух (в одном случае трех) индикаторов, от которых потом отнимают среднее арифметическое по всей совокупности, содержащей 21 индикатор. То есть среднее арифметическое по составляющим того или иного индекса как бы “взвешивается” посредством общего среднего по всем ценностям. Последнее действие осуществляют для нивелирования возможной склонности респондентов давать ответы в одной части шкалы (то есть скорее соглашаться или скорее не соглашаться со всеми высказываниями в случае использования одинаковой шкалы). В итоге мы получаем индексный показатель, который может быть выше нуля (если значимость конкретной индексной ценности выше, чем значимость всей совокупности ценностей) или ниже нуля (если значимость конкретной индексной ценности ниже, чем значимость всей совокупности ценностей). При этом чем выше этот показатель, тем большей является значимость конкретной ценности. Таким образом определяется мера приоритетности той или иной ценности в индивидуальной ценностной иерархии респондентов.

Если сравнить эти иерархии у религиозных и нерелигиозных респондентов, учитывая место в ней ценности традиции, то увидим, что в первой группе эта ценность имеет более высокий “ранг”, чем во второй. В частности, если среди религиозных лиц ценность традиции занимает 5-е место, то среди нерелигиозных — 8-е (табл. 4). При этом ценности, занимающие первые три строки ранжируемого списка, и у религиозных, и у нерелигиозных людей одни и те же.

Приведенные данные можно дополнить сравнением некоторых показателей, которые можно рассматривать как показатели традиционалистских ориентаций. Так, в мониторинговом опросе Института социологии НАН Украины 2016 года использовался вопрос для измерения личной значимости ряда составляющих жизни (см.: [Українське суспільство, 2016: с. 516–526]). Среди этих вопросов были те, что измеряют личную значимость таких ценностей, как крепкая семья и национально-культурное возрождение. И первое, и второе связано именно с проблематикой традиций, поэтому мы можем посмотреть, существуют ли отличия в значимости этих ценностей между религиозными и нерелигиозными людьми. И это сравнение демонстрирует отсутствие существенных отличий. А именно: уровень значимости национально-культурного возрождения в группах религиозных и нерелигиозных статистически значимо не отличается. Уровень значимости крепкой семьи вроде бы чуть выше у религиозных лиц: среди последних около 81% оценили этот параметр как очень важный, а среди нерелигиозных соответствующая доля достигала 74% (отличия статистически значимы на уровне 0,05). Тем не менее можно предположить, что в данном случае проявляется влияние не религиозности, а возраста; ведь среди религиозных больше людей старшего возраста; вместе с тем уровень ориентации на крепкую семью также выше среди старших респондентов. Это предположение полностью подтвер-

ждается, поскольку в случае сравнения религиозных и нерелигиозных респондентов отдельно в разных возрастных категориях отмеченные более высокие отличия исчезают (разница статистически не значима).

Таблица 4

**Место ценности традиции в совокупности других ценностей,
2013, индексные показатели**

Религиозные		Нерелигиозные	
1. Безопасность	0,590	1. Безопасность	0,526
2. Доброжелательность	0,414	2. Универсализм	0,293
3. Универсализм	0,366	3. Доброжелательность	0,270
4. Конформность	0,152	4. Самостоятельность	0,143
5. Традиция	0,049	5. Конформность	0,028
6. Самостоятельность	-0,020	6. Власть	-0,129
7. Власть	-0,148	7. Достижения	-0,161
8. Достижения	-0,219	8. Традиция	-0,255
9. Гедонизм	-0,625	9. Гедонизм	-0,384
10. Стимуляция	-0,742	10. Стимуляция	-0,477

Однако еще один использованный в мониторинговом опросе Института социологии НАН Украины 2015 года индикатор, который можно рассматривать в качестве индикатора традиционалистских ориентаций, уже фиксирует отличия между религиозными и нерелигиозными людьми, причем эти отличия заключаются именно в большей ориентации на традиции религиозных лиц. В частности, в данном опросе респондентам предлагали оценить меру своего согласия с утверждением, что сегодня важно воспитывать детей и молодежь на основе культурных традиций. Для измерения этого показателя использовали семибалльную порядковую шкалу, где 1 означало полное несогласие, а 7 — полное согласие (таким образом, для анализа можно использовать показатель среднего арифметического, который может колебаться от 1 до 7, и чем выше среднее, тем большим является согласие с предложенным утверждением). В группе религиозных средний балл составлял 5,4 балла, а в группе нерелигиозных — 4,9 балла (разница статистически значима на уровне 0,01). То есть среди религиозных согласие с необходимостью воспитания детей на национальных культурных традициях было хоть и не намного, но выше, чем среди нерелигиозных. Причем подобное направление связи имеет место независимо от половой принадлежности, возраста респондентов, проживания в городе или селе; и во всех этих группах (кроме группы респондентов старше 55 лет) отличия статистически (на уровне 0,05) значимы.

Выводы

Подводя итоги изложенному выше, подчеркнем несколько моментов. Прежде всего необходимо отметить, что определенная значимость религии в формировании и поддержке традиционалистских ориентаций в Украине безусловно существует. Религиозные люди проявляют большую склон-

ность включать традиции в свой ценностный мир, и это заметно как при рассмотрении групп религиозных/нерелигиозных (в целом и внутри других социальных групп), так и при сравнении групп с различным уровнем религиозности и ценностных иерархий религиозных и нерелигиозных людей. Следовательно, ожидания, что увеличение масштабов религиозности, ее углубление, усиление роли религии в обществе может способствовать усилению традиционализма, не лишены оснований.

В то же время представленные данные позволяют утверждать, что ныне такие ожидания могут оказаться слишком завышенными. Ведь уровень ориентации на традицию среди религиозных людей ненамного выше, чем среди нерелигиозных. То есть традиционализм преобладает в обществе в целом, и прямое влияние религии в этом вопросе достаточно ограничено. Эта ограниченность связана с фиксируемой массовыми опросами населения Украины скорее формальной религиозностью, с низкой воцерковленностью, со слабым знанием вероучения своей религии и достаточно слабой связью (если не ее отсутствием) между религиозностью и повседневным поведением.

Однако большинство населения нашей страны продолжает идентифицировать себя как религиозных, повсеместно активно строятся (и наполняются) новые храмы, а религиозность политиков влияет на восприятие их избирателями. Из этого можно сделать вывод, что массовая религиозность не столько уменьшается, сколько модифицируется, становится индивидуалистической, более эклектичной и синкретической. Одним из тех уровней, на которых религия может продолжать действовать, является уровень ценностей, устоявшихся норм, архетипов сознания. Однако это как раз и означает, что ее влияние воплощается преимущественно косвенно, опосредованно, через участие в формировании личности и через подсознательную склонность к одним действиям и неприятию других. При этом такое влияние неизбежно становится весьма ограниченным и ситуативным, зависимым от текущего баланса между множеством “светских” факторов. Можно предположить, что религия не столько формирует традиционалистские ориентации (хотя это, ясное дело, тоже имеет место), сколько поддерживает существующие.

Остается открытым вопрос о характере связи между религией и ориентациями на традицию. До сих пор безоговорочно считалось, что именно религия может (и должна) влиять на ориентации на традицию в целом и на принятие традиционных ценностей в частности. Но вполне возможна и обратная связь, когда врожденный или воспитанный консерватизм сознания и связанный с этим традиционализм влияют на фактическую религиозность. В современных теориях, которые пытаются объяснить, что является религией и почему люди религиозны, существует направление, приверженцы которого считают религию следствием когнитивных особенностей человеческого сознания. Как пишет М.Шахнович: “В основе когнитивного религиозоведения лежит представление о том, что религия — это продукт человеческого сознания, возникший на определенном этапе эволюционного развития, поэтому религиозные представления и связанное с ними поведение человека могут быть объяснены с точки зрения когнитивных процессов, обусловленных свойствами человеческого мозга” [Шахнович, 2013: с. 56–57].

Вполне возможно, что какая-то часть людей, для которых неприемлемы быстрые и масштабные изменения условий жизни и которые являются консерваторами по складу характера, ищут опоры в тех институтах, чья позиция совпадает с такого рода ориентациями. А одним из главных таких институтов является религия. То есть справедливыми могут быть как утверждения, что религиозные люди более склонны к ориентации на традицию, так и утверждения, что традиционалистски ориентированные личности более склонны к тому, чтобы быть религиозными. Сама религиозность может быть следствием особенностей восприятия мира, связанного с особенностями нервной системы. В реальности, вероятнее всего, имеет место как первый, так и второй тип связи, но для определения того, какой из этих типов преобладает, необходимы углубленные целевые исследования.

Источники

Генон Р. Кризис современного мира. — М.: Эксмо, 2008. — 784 с.

Звернення традиційних Українських Церков 1 грудня 2011 року. — [Електронний ресурс]. — Режим доступу до ресурсу:
<https://www.cerkva.info/documents/zvernennia-tradytsiinykh-ukrainskykh-tserkov>.

Злобіна О., Тихонович В. Традиціоналізм та інновація в українському вимірі // Соціологія: теорія, методи, маркетинг. — 2006. — № 4. — С. 69–81.

Магул В., Руднев М. Жизненные ценности населения: сравнение Украины с другими европейскими странами // Украинское общество в европейском пространстве. — К., 2007. — С. 226–273.

Основи вчення Руської Православної Церкви про гідність, свободу і права людини. — [Електронний ресурс]. — Режим доступу до ресурсу:
<http://www.patriarchia.ru/ua/db/text/1208006.html>

Основи соціальної концепції Руської Православної Церкви. — [Електронний ресурс]. — Режим доступу до ресурсу: <http://www.patriarchia.ru/ua/db/text/1207692.html>.

Ручка А. Ціннісна метаморфоза в ментальності громадян України під час надзвичайних подій 2014 р. // Українське суспільство: моніторинг соціальних змін. — 2014. — Вип. 1(1). — С. 117–124.

Ручка А., Наумова М. Цінності і типи ціннісної ідентифікації в сучасному соціумі // Українське суспільство: моніторинг соціальних змін / гол. ред. д. соціол. н. М.О. Шульга. — К.: ІС НАНУ, 2013. — Т. 1. — Вип. 1 (15). — С. 285–297.

Сакало О. Є. Ціннісний портрет українського суспільства: за даними World Values Survey / О. Є. Сакало // Актуальні проблеми філософії та соціології. — 2016. — Вип. 11. — С. 99–101.

Українське суспільство: моніторинг соціальних змін. — К.: Інститут соціології НАН України, 2016. — Вип. 3(17). — 546 с.

Филатов С. Религиозная жизнь Евразии: реакция на глобализацию (вместо введения) // Религия и глобализация на просторах Евразии / Под ред. А.Малашенко, С.Филатова. — 2-е изд. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Моск. Центр Карнеги, 2009. — С. 10–27.

Фрумкин К. Традиционалисты: портрет на фоне текстов // Дружба народов. — 2002. — № 6. — С. 124–141.

Шахнович М. Когнитивная наука и исследования религии // Государство, религия и церковь в России и за рубежом. — 2013. — № 3. — С. 32–63.

ESS6 — 2012 documentation report. Edition 2.2. — Режим доступа:
http://www.europeansocialsurvey.org/docs/round6/survey/ESS6_data_documentation_report_e02_2.pdf.